

Часть I.
РЕЧИ Ф. Н. ПЛЕВАКО
НА УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССАХ

**Речь в защиту В. Солодовникова
и П. Медынцевой.
Дело игуменьи Митрофании**

5–19 октября 1874 г. было начато дело по обвинению в подлогах, мошенничестве, в присвоении, растрате чужого имущества и в соучастии в этих преступлениях суду преданы: игуменья Митрофания, купец П. Макаров, купец А. Махалин, зубной врач Л. Трахтенберг и купец Я. Красных.

* * *

Господа судьи и господа присяжные заседатели! Пришло время свести счеты игуменьи Митрофании по делам с Солодовниковым и Медынцевой, за которых я пришел ходатайствовать на суде. Пришло время решить: клевета врагов или темнота собственных поступков привели игуменью и весь этот штат на скамью подсудимых. Десятидневное доказанное вашими запросами внимание к делу обязывает меня щадить ваше время, и вы позволите мне прямо вступить в середину этого дела, прямо заняться решением существенного вопроса процесса.

Хороши ли документы, написанные от имени Медынцевой, не взяты ли они задними числами,

когда она была под опекой, выманены путем обмана и пущены в свет с целью разорить ее?

На этот вопрос нет возражения. Особенность процесса Медынцевой в том и состоит, что подсудимые не отвергают обмана, только стараются свалить зло с одной головы на другую. От хорошей вещи, от честного дела никто не отказывается; хорошую вещь не прочь иметь и тот, кому она не принадлежит. А здесь мы видим не то: всякий чуждается этих векселей. Спрашиваем Трахтенберга: ваши эти векселя? — Нет, нет, это матушка мне их дала. Спрашиваем Красных — а на ваше имя писанные — ваши? — Нет, мне матушка велела написать, я написал и ей отдал. Макаров тоже отмахивается рукой в ее сторону, а игуменья, в свою очередь, валит вину на Макарова, Трахтенберга и Толбузина...

Есть векселя, писанные на подрядчиков общины и на монахинь, но и те в один голос отвечают, что с Медынцевой векселей не брали, дел не имели и что до опеки, — она была им неизвестна.

Казалось бы, при таком порядке вещей следствие должно было остановиться на тех, на чьи имена писаны векселя. Но к чести правосудия, оно не оставалось на внешности, на орудиях преступления; оно проникло вглубь, отыскивало действительных виновников, отыскиало душу преступления и предложило труды свои вашему вниманию. Следствие доказало вам, что было время, когда Медынцева, отданная под опеку, жила у игуменьи Митрофании и подчинялась ее влиянию. Защита не оспаривает подобной черты ха-

рактера Медынцевой и в течение этих дней очень часто обращала внимание на то, что и сейчас Медынцева подчиняется слепо влиянию тех, кто ее окружает и кому она верит. Медынцева была такою и тогда, и игуменья имела все средства взять с нее бланки. Но когда они взяты? Обвинение предполагает, что это случилось в квартире Трахтенберга, когда взяты были с нее подписи на продолговатых белых бумажках. Я не стану поддерживать этого положения. Медынцева, с полной откровенностью показывавшая о деле, что она помнит, рассказала, что всегда и везде бесконтрольно подписывала все, что ей приказывала игуменья; но рассказывая, что она помнит, она сочла долгом не утверждать того, что эти белые бумажки были векселя.

Не уловив момента, когда были взяты бланки, обвинение и потерпевшая сторона ничего от этого не теряют. В дальнейшей судьбе векселей, в их пользовании и способе обращения их выясняются люди, кому эти векселя были надобны, и средства, какими они пользовались при этом.

У нас есть факт, что текст векселей в большинстве написан измененною рукой игуменьи, в чем она здесь созналась, хотя и отрицала это на следствии, — факт, что они написаны на имя ее послушниц, на имя ее подрядчиков и ее спутников в делах — Махалина, Трахтенберга. Каким же образом могло случиться, что обманывали Медынцеву Трахтенберг и Толбузин с Макаровым, а на векселях появлялись не отвергаемые ее по-

слушницами безоборотные бланки и собственно-ручные тексты игуменьи? Игуменья говорит, что тексты и бланки были заранее написаны для дел Смирновых, что эти тексты и бланки исчезли и ими злоупотребили ее бывшие друзья и ближние. Неправдоподобное объяснение! По делу Лебедева игуменья говорила другое, что она, напротив, любительница на случай нужды брать с купцов бланки без текста, а здесь уверяла, что у нее заранее заготавливаются на случай надобности тексты без подписей.

Затем, есть или нет правды в объяснениях игуменьи о похищении бланков, но написанные задним числом и выманенные у Медынцевой подписи на векселях в начале 1873 года все собираются в руках игуменьи. Это время сушкинской сделки. Она очень характеристична. В ней мы увидим всех действующих лиц этой обирающей Медынцеву компании и единодушную работу для этой цели.

Из слов Ушакова вы знаете, что на 150 тысяч рублей векселей Медынцевой он свез к Сушкину. Тот не изумлялся, не сомневался: от игуменьи он уже знал о товаре, ему предложенном. За векселя он заплатил полтину за рубль, заплатил товаром, который ценил втридорога; и свидетели обвинения, и свидетели защиты единогласно свидетельствуют о чудовищном барыше, о ростовщической жестокости Сушкина, который захотел попользоваться 150 тысячами рублей Медынцевой, заплатив за это много-много по 30 или 35 коп. за рубль. Куда же пошли вырученные деньги? В общину и к Макарову. Из чего состояли векселя? Из век-

селей руки Митрофании и прибавленного десятого векселя, писанного на имя Яненко, свояченицы Макарова. Эта Яненко признает, что она писала его по просьбе Макарова. Прежде она говорила, что подпись Медынцевой уже была; на суде она отступила от прежнего показания; она сказала, что, когда текст был написан, подписи не было. Мы не верим этому; это показание поддается под объяснение Макарова, на суде утверждавшего, что этот вексель без подписи он вручил игуменье, а та уже добыла подпись Медынцевой. Мне кажется до очевидности ясным, что Макаров был владельцем этого векселя, что он просил Яненко, как она и показала на следствии, вписать текст. Зачем же он попал к нему? Да недаром же Макаров, опекун Медынцевой, помогал игуменье и Сушкину обобрать Медынцеву. Что за бескорыстное служение злу! И вот вексель на имя Яненко и часть денег, уплаченных Ушаковым Макарову и Порохонцеву, обличают Макарова. Нет сомнения, что бланк Медынцевой есть дар, предложенный Макарову за содействие при сбыте векселей опекаемой. И поработал Макаров! В опекунских бумагах мы читаем запрос Сушкина опеке о достоинстве векселей Медынцевой; такой же запрос опекуна Медынцевой и ее покорное признание, что эти векселя действительны и писаны в 1869 и 1870 годах до опеки. А ведь о том, что эти векселя дурны и эта подпись Медынцевой не верна, никто не спорит. К чему же было лгать себе во вред Медынцевой? Подпись эта могла быть взята или принуждением, или на заранее подписанном

бланке, данным Макарову. Но Медынцева не обвиняет Макарова в принуждении и взятии бланков; следовательно, этим материалом его ссудила та личность, которая владела такими бумагами, а личность эта — игуменья, по свидетельству ряда лиц, здесь допрошенных.

Этим работа не кончилась. Домашние подтверждения недостаточны для Сушкина, и Макаров задумал взять с Медынцевой подтверждение нотариальное, чтобы ни время, ни место взятия бумаги не подлежали сомнению. Является к Медынцевой нотариус Подковщиков и берет заявление. Макаров сидит уже у Медынцевой и дает ей совет подписать заявление, обнадеживая ее ничтожностью этой бумаги. Никого другого, кто бы, по-видимому, от игуменьи дожидался этой бумаги, нотариус не видал. Кто же, как не Макаров, брал эту бумагу?

А в это время не дремлет и игуменья. Обеспеченная первым завещанием Медынцевой, совершенным у нотариуса Рукавишникова, в пользу общины, игуменья заменяет это завещание другим. Медынцева едет в Серпухов и при участии священников Владычного монастыря в качестве свидетелей совершает завещание, где специально подтверждает свои до опеки данные долги, долги, которых, по общему сознанию всех, не существует. Не Медынцевой нужна была эта ложь, а тем, кого это касалось. Что завещание есть дело игуменьи, это несомненно; оно у нее и хранилось до сих пор. Что этим завещанием укреплялись интересы Сушкина — ясно; что с этою целью оно писа-

лось — несомненно. Значит, в Серпухове хлопотали о Сушкине и интересовались им.

Получив эти векселя, Сушкин хорошо понимал, что они низкой пробы. Как же поправить дело? Придуманно недурно: Сушкин, старожил Москвы, хорошо знающий, что Медынцева живет в Москве, знающий это от ее опекунов, с которыми вел переговоры до покупки векселей, вдруг усылает векселя для взыскания в Курск, Орел и Тамбов. Переезжая из города в город, его услужливый поверенный заявляет, что Сушкину неизвестно местожительство Медынцевой, и вызывает ее через «Сенатские Ведомости». Кто из граждан читает эту газету? Никто. Пройдет срок, и вот по закону суды постановят заочное решение, оно войдет в законную силу. Сушкину выдадут исполнительные листы, с которыми уже спорить нельзя, и деньги отдать придется. Но, к счастью, в лице опекуна Гатцука и поверенного Иванова Медынцева встретила защиту. Было доведено до сведения властей о Подковшиковской бумаге и приняты законные меры к уничтожению вредных последствий. Тогда пошла иная работа, направленная к тому, чтоб устранить вредных людей, а вредные люди те, кто мешает обобрать Медынцеву. Вы знаете, что старались сместить Гатцука: именем Медынцевой без ее воли уничтожают в «Полицейских Ведомостях» доверенность, данную Иванову. «За что же вы лишаете меня полномочия, не я ли спас вас от разорения, задуманного Макаровым?» — спрашивал он доверительницу. Она изумлена. Она этого не делала. Тогда делается в газетах

новая публикация, и обнаруживается ложь первой. Что же делает Макаров? Он спешит заявить, что первая публикация была искажена, что типография ошиблась. Публикация эта делается от имени типографии, вроде извещения об опечатке. Но кто не видывал, кто не читывал «Полицейские Ведомости»? Скажите мне, случилось ли вам встретить редакторские поправки в этой газете? Не припомню такого случая. Поэтому та особая щепетильность, с какою исправляется первая публикация Медынцевой, не есть ли дело Макарова, который увидал, что он нарвался в этом деле?

Я думаю, что дело Сушкина — общее дело игуменьи и Макарова.

Векселя на имя Красных носят тот же след работы игуменьи и Макарова. Красных признался, что игуменья упростила его написать текст, указывая на благо общины; игуменья факта не отвергает. А по передаче этих векселей какой-то г-же Тицнер, по словам того же чистосердечно сознающегося Красных, ведь уж не игуменья, а Макаров потребовал расписки о продаже векселей и получении расчета.

Кроме Тицнер, оказались векселя еще на имя несуществующего лица Карпова. От Карпова они переходят к какому-то Мейергейму. Где этот Мейергейм? Кто он? Этого, как и личности Тицнер, мы не могли узнать. Вообще, кроме Сушкина, характер которого и жадность к наживе мы достаточно изучили и которого смерть освободила от ответственности, прочие владельцы куда-то скрылись, куда-то бежали. Темные люди... Они охотно

вступили в темное дело и скрылись от опасности, выдав одну игуменью, рассчитывая, не спасет ли ее сан и положение, не удастся ли ей каким-нибудь способом обмануть правосудие и выйти чистою. А если это свершится? О! Тогда выползут они из своих нор и, осмеивая слабость правосудия, начнут рвать на куски чужое добро, и уже не спрячутся, а гласно будут заявлять свое местожительство, может быть, придадут ему блеск и роскошь на добытые средства.

Но довольно об этом. Темное происхождение и ничтожность добытых обманом векселей явны, явно и участие подсудимых. Оно вызвало со стороны Сиротского суда преследование, к нему присоединилась Медынцева. Началась борьба. И какие же средства для этой борьбы затеяла игуменья?

Игуменья подрывает значение следствия тем, что поданная Медынцовой жалоба писана не ею, а мною, а ею подписана. Да, это так. Но что же из этого? Разве просьбы, подаваемые суду, пишутся теми, кто подписывался? Разве вы, являясь к вашему поверенному или знающему законы человеку, заставляете его под ваш диктант писать нужные бумаги? Вы излагаете ваше желание, просьбу, обстоятельства, а знающий человек или адвокат даст отделку или форму бумаге. И мне странно, что на это обращено внимание ваше не только подсудимыми, но и защитой игуменьи. Разве в вашем портфеле о вашей деятельности нет таких случаев, разве вы стесняете себя способом выражения неразвитых просителей, заявляющих свои справедливые, но неловко выраженные просьбы?

Адвокат не писарь; он обязан согласоваться с желанием, а не развитием клиента.

Защита подрывает дело, указывает на нравственные недостатки таких свидетелей, каковы Толбузин и Ефимов, и ставит это в укор обвинению. Да разве они — основа дела, разве на них держится дело и наше требование? С доверием к Толбузину мы не относимся: два года приближенный игуменья, два года наперсник ее торгово-промышленных тайн, пособник ее в делах Медынцевой, мог ли он остаться добросовестной личностью? Он — улика, живое обличение игуменья. Он страшен нам, и опека ни минуты не сомневается в его вредном влиянии на Медынцеву. Но на суд нельзя тянуть человека нехорошего, пока не уловят его в делах. А ведь Толбузин именно и стоит в таком положении. Говорят, что ему и Трахтенбергу дан был вексель на 6 тысяч рублей от имени Медынцевой. Но ведь вексель этот нашелся не у него, а у игуменья, и написан он на имя одного Трахтенберга. Он сознает, что расписку в 6 тысяч рублей игуменья просила его написать на его имя, но мы ее не могли найти. Словом, пока Медынцева была в руках Макарова и игуменья Митрофании, явилось на сотни тысяч векселей, а теперь, пока не оторваны еще от Медынцевой Ефимов и Толбузин, никаких обязательств не появляется.

А если эти люди, обойдя бдительность теперешней опеки, сумеют воспользоваться Медынцевой, то разве сегодня же закроется суд на Руси? Уйдете вы домой — на ваши места сядут другие;

вот эта решетка и скамья подсудимых не уберется; мы не устанем просить тех, кто займет ваши судейские места, о законности и правосудии. Новая опека — опека энергичная. С передачей в руки ее дел Медынцевой судебная власть встретила поддержку и ни малейшего противодействия. Медынцева в первый раз спокойна и довольна ею. Начинать же с Толбузина и Ефимова было бы бестактно. Это маленькие и неопасные злодеи. Преследуя маленьких, мы даем дерзость большим, а справившись с большими, до маленьких дойти всегда успеем. Когда, войдя в кладовую, хозяин выгоняет тайно забравшихся крыс, и мыши разбегутся по норкам. Далее адвокат разобрал показание инокинь и показаниям монахинь Магдалины и Зинаиды противопоставил показание монахини Феодосии.

Она сперва дала благоприятное для игуменьи показание, но затем, мучимая совестью, показала следователю, что она боялась депутата от духовного ведомства, оттого и говорила, что вексель Медынцевой она писала по приказанию игуменьи. Ее слова: «Я в монастырь пошла не для того, чтобы лгать», ее слова: «Я под присягой лгать не могу...» Какой укор игуменье, какое обличающее тайну ее обители слово!

От тех показаний, в которых есть все, кроме правды, как разнится свидетельское показание архимандрита Григория! Вот свидетель не из подвластных игуменье Митрофании, свидетель, носящий на себе высокий сан монашества и долг священства. Смотрите, как он держит себя на суде.